

Вопросы Экономики

3

1 9 9 2

Г. КОЛОДКО,
профессор,
директор Института финансов
(Республика Польша)

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Фискальная ловушка

Между экономической и политической ситуацией существует глубокая обратная связь. Несомненно, что в нынешней фазе рыночной трансформации эта связь действует скорее дестабилизирующим образом, и продолжение прежней экономической политики ухудшило бы и без того очень трудное положение и в той, и в другой области. Выход из данной ситуации требует, таким образом, принципиальной переориентации экономической политики.

Она должна заложить в основу процесса постепенных системных преобразований тенденции развития и сбалансирование всей экономики и прежде всего бюджета. Исходя из этого, необходимо сформулировать новую экономическую политику (НЭП). Разумеется, можно продолжить политику, проводимую в последнее время, однако надо иметь четкое представление — а здесь важны не только знание, но и интуиция, к чему это приведет.

Отправной точкой для определения НЭП должен быть правильный диагноз существующего положения. Имеющиеся здесь оценки столь противоречивы, что (даже если отбросить крайние позиции) нередко просто затрудняют сколько-нибудь рациональную дискуссию. Не вдаваясь в подробности, хочу лишь обратить внимание, что нет однозначного ответа на вопрос, каково же действительное положение дел. Все зависит от применяемых критериев оценки, признаваемых ценностей и перспектив восприятия явлений и процессов.

Почему так случилось?

Следует указать по меньшей мере на пять критериев — вопросов, позволяющих методологически упорядочить предмет (сферу) оценок и сопоставить нынешнюю ситуацию с другой, которая принята в качестве базы для сравнения: *как обстоит дело* по сравнению с тем, что было; *как обстоит дело* по сравнению с тем, что было бы в случае продолжения политики предыдущего года; *как обстоит дело* по сравнению с гипотетической ситуацией применения качественно иной экономической политики (то есть не тех реформ, которые фактически реализуются); *как обстоит дело* по сравнению с ожиданиями; *как обстоит дело* по сравнению с гипотетической ситуацией, в которой мы могли бы оказаться, если (в рамках правильно выбранной концепции перехода к рынку и демократии) проводить экономическую политику, близкую к оптимальной.

Таким образом, важно, что с чем мы сравниваем и в зависимости от этого в одном случае получаем один ответ (что положение стало хуже), а в другом — иной (что оно стало лучше). Различные ответы могут давать и одни и те же субъекты, применяющие разные критерии. Однако проблема намного сложнее. Каждую из пяти указанных выше возможностей нужно решать в двух плоскостях. Во-первых, с точки зрения чьих интересов мы ищем ответа и, во-вторых, делаются ли эти оценки с учетом короткого или длительного периода. Ведь одно — ожидания рабочих в короткий срок и совершенно другое — ожидания частных предпринимателей, рассчитанные на длительный период. Безработным уже сейчас хуже, чем было; пенсионерам только будет хуже, чем сегодня. Огромный разброс оценок вполне понятен, учитывая, что один из

основных процессов, сопутствующих системной трансформации,— гигантское перераспределение доходов и имущества. И процесс этот будет продолжаться, что создает определенные трудности и для экономической политики.

В целях правильного ее определения на будущее необходим прежде всего ответ на пятый критерий-вопрос, поскольку я не сомневаюсь, что скорейшее продвижение к рынку и демократии является единственным правильным выбором. И потому, оценивая нынешнее положение дел (а здесь тоже очень много дискуссий, и поэтому для упрощения я обойду спорные вопросы: насколько фактически упало производство, какова безработица и т. д.), я сравниваю его с гипотетической ситуацией, которая могла бы сложиться при проведении лучшей экономической политики.

Такая оценка должна быть однозначно негативной. Углубленные исследования на эту тему доказывают, что можно было бы уже сейчас добиться больших результатов с меньшими издержками. Достижение равновесия на рынке товаров и более значительное снижение уровня инфляции были возможны при меньшем масштабе рецессии и безработицы, и все это при большем продвижении процессов рыночных преобразований. Однако действительность иная (то есть хуже), поскольку в экономической политике сделано много технических ошибок по причине недостаточного профессионализма, а также ошибок, связанных с отсутствием воображения и ответственности. Об этом предупреждали; так что это не те ошибки, которые можно оправдать объективными факторами.

Коротко отвечая на данный вопрос, следует указать на пять групп причин экономических трудностей. Во-первых, это наследие прошлого, инерция процессов, кроющихся в еще слабо реформированной, директивно планируемой экономике. Продолжая в ней существовать, мы и так бы имели рецессию, хотя и неглубокую, поскольку во второй половине 80-х годов хозяйственная динамика ослаблялась (по разным причинам) не только в Польше.

Во-вторых, внешние шоки, особенно распад СЭВ (что, впрочем, легко было предвидеть, и можно было общими усилиями заинтересованных стран частично нивелировать негативные последствия этого), а также война в Персидском заливе (что до определенного момента предвидеть было невозможно).

В-третьих, рецессионные последствия выхода из экономики дефицита (эффект устранения дефицитов) и ликвидации убыточных производств. Это издержки трансформации, которых полностью избежать невозможно. Однако масштаб рецессии, обусловленной этим, значительно больше, чем было необходимо. Чрезмерные ограничения в финансовой политике при одновременной чрезмерной либерализации торговли и слишком экспансивной политике открытия экономики для конкуренции извне, по существу, привела к исчезновению многих продуктов, которые давали добавленную стоимость и продолжали бы давать ее, если бы несколько медленнее вводились цены, приближенные к мировым.

В-четвертых, любая в принципе (хотя есть исключения) стабилизация, основывающаяся на макроэкономическом управлении спросом хозяйственных субъектов, влечет за собой рецессию и сопутствующую ей безработицу. Так что этого не может миновать и постсоциалистическая экономика.

В-пятых, ошибки в экономической политике. Их по крайней мере два вида. Первые обусловлены огромной зоной неопределенности, недостатком информации, нехваткой времени, давлением противоречивых интересов. К ошибкам такого рода следует отнести, например, чрезмерную девальвацию золотого в январе 1990 г. Второй тип ошибок —

это ошибки самой концепции экономической политики, разработки комплекса ее инструментов и последовательности действий.

Невозможно провести регрессионный анализ и точно взвесить значение отдельных факторов трудного экономического положения. В политическом отношении можно встретиться с крайними, без соответствующей научной аргументации представлениями о том, что существенны только первая или только пятая группы причин. Другие излишне выделяют вторую или третью группу. Не думаю, чтобы какая-либо из этих причин (разграничение их недостаточно строгое) объясняла масштаб нынешнего кризиса. Однако принципиальную роль я вижу в ошибках экономической политики, проявляющихся в трех основных плоскостях политики системной трансформации.

Во-первых, произошли заметные отклонения от задуманной макроэкономической политики стабилизации, неудачной была последовательность некоторых действий (особенно в монетарной политике), а также недоставало необходимой гибкости (которую зачастую продолжали путать с мягкостью). Во-вторых, сделано много ошибок в отношении институциональных изменений, связанных не столько с их медлительностью, сколько с неувязками и непоследовательностью. Наконец, в сфере микроэкономической реструктуризации основными ошибками были, по существу, отсутствие политики развития конкуренции и опора на ложные предпосылки автоматизма процессов приспособления на микроуровне. Эти ошибки возникли не на пустом месте, и корни их достаточно глубоки. Следует учесть, что весь комплекс политики системной трансформации опирается на неолиберально-монетаристскую доктрину, которая предусматривает — упрощая — несколько главных направлений преобразований, предопределяющих успех (а скорее неудачу) всего замысла.

Логическое противоречие

Важнейшая предпосылка — шоковая стабилизационная терапия. Данная предпосылка, сама по себе правильная, была очень плохо реализована. Следующая предпосылка свидетельствует о практически неотложном регулировании экономики. И эта идея в принципе правильная, но (кроме бывшей ГДР) невыполнимая. Здесь действия должны проводиться быстро, хотя и постепенно. Еще одна предпосылка — немедленное открытие экономики внешнему миру и включение ее в механизм зарубежной конкуренции. На первый взгляд направление правильное, но масштаб «открытия» и экспансии должен быть умеренным, поскольку в ином случае разрушение производства будет чрезмерным (это относится даже к бывшей ГДР). Наконец, последняя из главных предпосылок касается быстрой приватизации, которая якобы должна повысить эффективность и быстро дать производственные результаты. Это очень сомнительно; иногда так может быть, но по крайней мере не всегда, а в условиях трансформируемых постсоциалистических экономик просто не будет. Эффекты приватизации, способствующие росту предложения, обусловлены, в частности, соответствующей макро- и микроэкономической политикой, и они не проявляются ни автоматически, ни быстро.

Неолиберально-монетаристскую доктрину макроэкономической стабилизации и институциональных изменений в постсоциалистической экономике характеризует логическое противоречие. Оно заключается в том, что макроэкономическая стабилизация всегда требует большего сокращения расходов, нежели доходов государства (в момент старта расходы, как правило, превышают доходы и имеется дефицит). А институциональные изменения, проводимые на основе неолиберально-монетаристской доктрины, влекут за собой (в среднесрочном периоде) большее сокращение доходов, чем расходов.

В Польше в 1990 г. масштаб редукции реальных расходов был больше, чем масштаб уменьшения реальных доходов бюджета. По этому случаю еще в феврале 1991 г. министр финансов говорил в сейме — без должной осмотрительности — о «здоровых общественных финансах», хотя они были «больны». А вскоре оказалось, что реальные доходы снизились намного больше, чем расходы.

Именно это противоречие привело к тому, что мы называем обратным эффектом фискального приспособления: усилия по сбалансированию финансов государства ведут к их несбалансированности. Польский случай настолько очевиден, что может быть просто хрестоматийным. Данное противоречие в какой-то степени неизбежно; однако его масштаб изменяется во времени и в пространстве, что в основном является следствием ошибок экономической политики. Принципиальная ошибка — игнорирование выводов из собственных ошибок, хотя некоторые пытаются делать эти выводы из ошибок чужих.

Например, в Чехословакии за 1991 г. (подобно тому, как в Польше годом раньше) отмечены положительное сальдо бюджета, положительное сальдо торгового баланса (тоже аналогично), рецессия (в меньшем, но значительном масштабе) и в течение последних 4 месяцев — нулевая инфляция. Однако в Чехословакии (на этот раз в отличие от Польши) не прервана макростабилизация, хотя нынешняя благополучная ситуация может оказаться — и довольно быстро — преходящей, если там не предпримут необходимых действий, которые в Польше были недооценены. А именно это вновь акумулирует огромный инфляционный потенциал.

Поэтому в производственной сфере (прежде всего — хотя не только — в государственном секторе) сохранятся деструктивные процессы, выражющиеся в рецессии и нарастании безработицы, а со временем наступит возврат трехзначной инфляции. И тогда вновь могут появиться требования ее подавления, а тем самым и угроза возвращения дефицитов.

Кривая улитки

Если взглянуть на экономические программы разных коалиций в новом правительстве — а они не только противоречат друг другу (это понятно), но и нередко внутренне противоречивы (что понять трудно, а принять невозможно), — то может сложиться впечатление, что из создавшегося положения нет не только возврата назад, но и вообще никакого выхода. Тем не менее это не так. И все же каким путем мы пришли к такой ситуации?

Его наилучшим образом иллюстрирует развитие спадфляции за минувшие два года: падение производства (и рост безработицы) сопровождается инфляцией, причем уровень цен за время неудачной реализации неолиберально-монетаристской доктрины увеличился в 16 раз (!). Над этим стоит задуматься. Одновременно производство (валовой внутренний продукт — ВВП) упало почти на 20%, и безработица увеличилась с 0 до более 11%, а без учета сельского хозяйства — до 18%. На этом пути — назовем его посткоммунистической кривой улитки (с точки зрения формы, указывающей на определенные закономерности анализируемого процесса) — отмечались периоды, которые характеризовались позитивными тенденциями. К сожалению, они были кратковременны и преходящи. Конкретно здесь речь идет — если ограничиться поквартальным анализом — о движении вправо вниз.

Это направление означает торможение рецессии или даже рост производства при одновременном снижении масштаба инфляции. К сожалению, именно из-за ошибочной экономической политики направление движения вправо вниз не является устойчивой тенденцией, ибо экономи-

ка очень сильно погружена в синдром спадфляции. Более того — и это следует подчеркнуть еще раз, — продолжение (даже с коррективами) политики минувших двух лет будет закреплять деструктивные экономические процессы.

Позитивная программа

Совершенно очевидно, что нынешний, необычайно тяжелый и обширный кризис польской экономики носит иной характер, нежели тот, который достиг своего апогея в 1989 г. Тогда мы имели дело с синдромом инфляциита, то есть сочетания инфляции и дефицита. Производство еще незначительно росло (прирост ВВП составлял 1,5 %), не было безработицы. Теперь же налицо синдром спадфляции (сочетание инфляции и экономического спада), а это качественно иная ситуация. И в этом важный, если не сказать принципиальный, тезис данной статьи. А именно, я утверждаю, что поскольку нынешняя рецессия в основном вызвана действиями со стороны спроса (это связывалось с выходом из ресурсно-ценевой инфляции, то есть инфляциита), то ее преодоление требует искусственных действий экономической политики со стороны предложения.

Наши наблюдения за внутренним противоречием «стабилизация — трансформация» в неолиберально-монетаристской доктрине, а также только что приведенный вывод о необходимости перенесения основных акцентов политики со спроса на предложение ведут к постулированию, принципиальной переориентации экономической политики как на макро-, так и на микроуровне.

Переориентация экономической политики означает необходимость перехода от неолиберально-монетаристской концепции к концепции интервенционистско-бюджетной. Это требует не модификации (корректив) экономической политики, проводимой в последнее время, а качественно иного подхода со всеми вытекающими отсюда выводами.

Новая экономическая политика обязана (а не просто вынуждена, поскольку можно и продолжать пагубную линию) комплексно учесть существующую ситуацию. Поэтому и национальный хозяйствственный план (НХП) можно наметить, только предварительно ответив на поставленные ранее вопросы: какова ситуация и как это случилось? Добавлю лишь, что представленные выше краткие и тезисные ответы на данные вопросы опираются на углубленные, развернутые и документально обоснованные исследования, и я считаю эти ответы доказанными, сожалея, что нет места для того, чтобы развернуть их.

Осью НХП должно быть формирование механизма экономического роста, сопряженного с устойчивым экономическим равновесием. При выходе из спадфляции главный акцент в разработке такого механизма в условиях рыночной трансформации должен быть сделан на уравновешивании госбюджета — с одновременным внешним сбалансированием экономики — в продолжительном периоде. Ведь теперь достижение равновесия за короткий срок уже невозможно.

А оно было в пределах наших возможностей, если бы не ошибочная политика, которая привела к структурному кризису общественных финансов. К тому же ситуация сейчас во многих отношениях более трудная, чем два года назад. Это обусловлено не только большим, чем тогда, дефицитом бюджета, но и невозможностью проведения фискальной подгонки, стабилизирующей экономику, — «шокового метода». Ибо сегодня она могла бы — из-за уже радикального ограничения дотаций и субсидий — основываться лишь на ударном единовременном снижении расходов. Следовательно, если в экономических программах различных партий — уже после выборов — выдвигается первоочередное требование бюджетного равновесия, то следует полностью осознавать, в какой мы находимся ситуации.

Добавлю лишь, что наиболее реальным вариантом многие эксперты считают прогноз падения ВВП в 1992 г. еще на 11%. В этом случае при сохранении реального уровня расходов государства в 1991 г., уже урезанных чрезмерной рецессией, дефицит составил бы почти 26% тех же расходов, либо выше 8% ВВП. В абсолютных числах это означает около 100 млрд. злотых. Учитывая все допустимые (впрочем, ограниченные) возможности безинфляционного (временно) финансирования дефицита, например, путем общественного внутреннего и внешнего долга, масштаб вероятных бюджетных сокращений будет вызывать цивилизационную деградацию общества. И к этому может привести продолжение (с коррективами, разумеется) нынешней политики.

Но что еще хуже, исходные позиции настолько драматичны, что если даже сделать нереалистичное предположение (чтобы резче оттенить проблему) о 10-процентном росте ВВП в 1992 г., дефицит все равно бы составил выше 2% ВВП (или около 9% расходов госбюджета), то есть 33 млрд. злотых. Достижение сбалансированности бюджета с ростом производства может — при разумном подходе — занять 3—5 лет.

Главные элементы новой политики я представлю в 16 пунктах, причем отправным пунктом служит

— принцип необходимости постепенного сбалансирования госбюджета, а в период доведения его до устойчивого равновесия — минимизация объемов инфляционного финансирования дефицита.

Следующие пункты:

— процесс уравновешивания бюджета не может быть начат без перехода к экономическому росту. Ложным является тезис о том, что экономика находится в хорошем состоянии, а бюджет — в плохом, поскольку пуста казна, в частности, из-за опоздания необходимых налоговых реформ;

— экономический рост в ближайшие годы будет невозможен, если не будет расти продукция общественного сектора. Это неправда, что приватизация (или скорее денационализация) ускорит экономический рост в короткий срок. В переходный период она может ускорить только желаемые структурные изменения, отдача от которых наступит позднее. Плохо то, что в результате приватизации сначала будет нарастать безработица, и это временно ухудшит состояние бюджета;

— в отношении системных изменений основная проблема — это не денационализация, а — при активной поддержке уже существующего частного сектора — корпоративизация (называемая также коммерциализацией), то есть принуждение государственных предприятий к рыночному эффективному поведению. Этот сектор будет иметь (в том временном горизонте, о котором идет речь) основное значение с точки зрения доходов государства. Здесь могут и должны изменяться пропорции вместе с ускорением приватизационных процессов (ибо это желательно), но даже при далеко идущем варианте такого ускорения решающими будут налоги с государственных фирм;

— ключевой для НХП рост государственного сектора (при условии еще более ускоренного роста развивающегося частного сектора) может быть достигнут путем применения соответствующего набора инструментов налоговой (в частности, отмена так называемого дивиденда) и monetарной политики, а также развития конкуренции и прежде всего надлежащей промышленной и торговой политики;

— шанс для сокращения внешнего долга должен быть связан с реструктуризацией невзысканного долга части предприятий банкам и бюджету. Аргументация и техника действий здесь аналогична тем, что и в случае невзысканного внешнего государственного долга, отражением которого до определенной степени служат долги фирм. Следовательно, необходима необычайно кропотливая, трудная и рискованная работа по упорядочению финансовых отношений между: а) бюджетом и предприя-

Онаро нпекже ём ыпсатъ, најо нмера скончаннекъю нпорпамъ, нокожкы камо корпамене пакхозъор (без нпекжните пакхозъоръ). Картинка са чыт жылуро опмопарын жокожон акчи гоажета) это же

— огнестрельные ружиебарабаны меч но-упекнему дотарант нас
непей фартон ханына яефунна тогчоюктера, бийжекчамерео к пекро-
корпамендо бийжекчих пакчоюб. Это нордегерь пеэрияландин оц-

— **ночью** и **днем** от **ноги** до **головы** мы **затрахивали** —
и **засыпали** в **один** из **многих** **отелей**, в **которых** **занято**
всё. **Самые** **лучшие** **отели** **заняты** **уже** **как** **в** **столице**,
но **мы** **затрахивали** **все** **отели**, **все** **отели** **заняты** —
и **засыпали** **в** **одном** **отеле**, **занятом** **уже** **всё**.

таки, б) неподвижн., а) подвижн.). Намечено
сигнатура обнаружить и заложить в землю в качестве архивного
документа. Для этого в землю вблизи места захоронения
засыпается глиняный саркофаг, в который помешиваются
различные предметы, имеющие историческую ценность.
Все это обрамляется кирпичом и засыпается землей.

экономическая программа на уровне требований, которые перед нами поставлены. Что касается изменения (сокращения) внутренних расходов, то надо противостоять, в частности, бюрократическому эгалитаризму — урезать поровну различные части государственного сектора. Для меня не подлежит сомнению, что больше надо экономить на расходах на национальную оборону, нежели на просвещение, поскольку ограничивать реальные расходы придется везде. И — добавим — везде еще существуют, хотя и ограниченные, к тому возможности. Уже потом проявятся упомянутые симптомы цивилизационной деградации. Однако я сознаю, что для многих сокращение расходов на армию будет неприемлемым. И это станет одним из существенных источников нарастания противоречий (не только экономических) в последующие годы;

— дефицит бюджета следует в максимальной степени финансировать безинфляционно. В нормальных условиях — а наши таковыми не являются — основную роль здесь играет общественный заем, полученный на открытом рынке. Надо обратиться к этому средству, и подготовка уже идет. Однако, на мой взгляд, здесь не следует рассчитывать на слишком большие суммы. Новые правящие власти будут пользоваться малым общественным доверием, что автоматически распространится на умеренное доверие к выпускавшим ими облигациям казначейских билетов. Наиболее сомнительными — наряду с проектами относительно масштабов роста рецессии на 1992 г. — придется признать установки, касающиеся средств от эмиссии внутреннего общественного долга. Другая проблема — а ее умелое решение является одним из важнейших аспектов НХП — вытекает из противоречия между: а) получением финансовых средств на открытом рынке, б) финансированием приватизации сектором домохозяйств и в) расширением денежной базы банковского сектора (путем стимулирования роста банковских вкладов населения на кредитование реструктуризации производственной сферы и ее роста.

Здесь я принимаю, что априори $(a) + (b) + (v) = 1$, но также и то, что в рамках НХП умелое координирование фискальной, монетарной (как денежной, так и курсовой), а также доходной политики может привести к реальному увеличению суммы $(a) + (b) + (v)$ или к устойчивому повышению склонности хозяйственных субъектов к экономии. Без получения такого эффекта нет выхода из нынешнего кризисного состояния;

— общественный заем может (и должен) быть взят также за границей. Нужно пытаться, но и реально считать при этом. И так очень низкое доверие к Польше на мировых финансовых рынках (ниже, чем к Венгрии или Чехословакии) еще больше снизилось вследствие результатов парламентских выборов и вытекающей отсюда угрозы политической нестабильности;

— пакет НХП может получить институциональную внешнюю поддержку вместе с финансовым подкреплением.

Неверно, что Международный валютный фонд одобрят только так называемое продолжение реализуемой в последнее время экономической программы. Это убедительно доказывает как мировой опыт, так и опыт некоторых государств нашего региона, особенно Венгрии. МВФ примет любую достоверную программу, которая даст серьезный шанс для: а) внешнего равновесия, б) внутреннего равновесия, в) экономического роста и г) рыночной трансформации. Более того, МВФ в принципе уже не принимает (абстрагируясь от риторики и пропагандистско-политических элементов) нынешней экономической программы, которая резко ломает почти все исполнительные критерии, принятые полгода назад.

Фундаментальную роль в экономической политике еще долгие годы будет играть сбалансирование бюджета, и, в частности, поэтому он должен быть ведущей осью НХП. Любая экономическая программа будет неприменима, если не получит одобрения МВФ. Ведь без этого нельзя будет рассчитывать не только на оговоренное сокращение час-

ти официальной задолженности, но и на шанс сокращения доли задолженности коммерческим банкам (например, программа замены части долга участием капиталов, что также поддержит приватизационные процессы). Без этого, в свою очередь, приток иностранного капитала, особенно частного, будет по-прежнему незначительным.

Согласование пакета НХП с МВФ требует также постановки проблемы нового стабилизационного займа. Однако на этот раз главной целью обусловленного стабилизационного займа должна быть поддержка мер по предупреждению краха общественных финансов. Получение стабилизационного займа — даже если бы он был меньше, чем два года назад, когда не сумели его использовать, — имело бы, кроме того, психологическое и политическое значение;

— окончательное прекращение процесса финансирования бюджетного дефицита произойдет с помощью кредита центрального банка (хотя в случае реализации НХП его роль систематически снижается и в конечном счете будет сведена на нет). Разумеется, в существующих условиях это будет негативным решением. Ведь центральный банк будет поставлен перед острой альтернативой: либо кредитовать государственный сектор, ограничивая предложение денег (главным образом путем высоких процентных ставок со всеми последствиями этого для спроса на деньги со стороны предприятий и для их производства) на оборонную деятельность и — что хуже — на инвестиционную; либо согласиться на монетаризацию остальной части бюджетного дефицита со всеми инфляционными последствиями этого.

В зависимости от величины дефицита, который будет финансирован кредитом центрального банка, такая монетаризация может оказаться неизбежной. В ближайшее время это будет альтернативой относительно глубоких неотвратимых сокращений бюджетных расходов. Только здесь, в конце пакета НХП, я подошел к проблеме «вводить» или «не вводить» денежную политику. Восприятие этой проблемы как изначальной в рассуждениях является ошибкой неправильно расположенной дилеммы, на которую пытаются опереться неолиберально-монетаристская доктрина. Ошибка та тем больше, что, согласно указанной доктрине, разрешение противоречий, связанных с необходимыми приспособлениями, должно происходить силами рынка. Проблема же состоит в том, что экономика по-прежнему функционирует в форме гибрида «не план — не рынок»;

— вступление в рынок требует сильного государства и мудрой политики, особенно финансовой и монетарной, а также промышленной и сельскохозяйственной. Было бы хорошо, если бы государство могло быть сильным за счет общественной поддержки. Поэтому и НХП должен опираться на широкий общественный консенсус.

С одной стороны, необходимо конструктивное, ориентированное на будущее соглашение правящих (либо стремящихся к правлению) элит как между собой, так и с обществом. Продолжение экономической политики, основанной на неолиберально-монетаристской доктрине, сделает такое общественное согласие невозможным. Тогда окажется, что путь к рынку будет несовместим с демократией. Это нужно сказать четко. А возможности для взаимной поддержки рыночной трансформации и успехов демократии создает НХП, который базируется на интервенционистско-бюджетном выборе.

С другой стороны, системная трансформация была бы непомерно затруднена или просто невозможна, если бы должна была проходить без — или, более того, вопреки — мировой финансовой верхушке. Таким образом, политический смысл имеют только те программы, которые могут быть реализованы при одновременном согласии как общества, так и международных финансовых организаций, что следует особо подчеркнуть, поскольку именно это определяет рамки любой разумной политики.